

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ РИТОРИКИ КИНИКОВ

Е. А. НАЙМАН

Томский государственный университет, Томский государственный
педагогический университет, Томский научный центр СО РАН,
Институт развития образовательных систем РАО

enyman17@rambler.ru

EVGENY NAYMAN

Tomsk State University, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Scientific Center SB RAS,
Institute of Development of Education Systems RAE

SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF THE PHILOSOPHICAL RHETORIC OF THE CYNICS

ABSTRACT. This article focuses on the Cynic strategies of communication and on the problems of interpretation of Cynicism. The author uses Goffman's theory of self-production, which treats a life as a theatrical performance, and applies some ideas of sociolinguistics and social anthropology to the analysis of Cynicism as a rhetorical practice. The theatricality of Cynical behaviour appears in their careful self-presentation and stylised of their lifestyle, which may be analysed as the exercise of a philosophical rhetoric. The article rests on the assumption that the most significant points of Cynicism are theatricality, use of non-verbal communication and transgressive forms of communication, and preference for such a literary form as chreia. Theatricality can take place in any stylistic register, but the author has concentrated on non-verbal elements in Cynic communication. The author analyses the Cynics' rhetoric using the modern groundbreaking studies of Donald Lateiner and Robert Branham. The article analyses the Cynic performances, the interactions of Cynics with the public environment, and their use of eating and physical attributes to mark their philosophical position. The author examines Diogen's use of transgressive non-verbal communication, paying special attention to his conscious use of the body for philosophical purposes. The analysis demonstrates that bodily processes are used as forms of symbolic action, while non-verbal media are designed to strengthen the effect of verbal language.

KEYWORDS: Cynics, non-verbal communication, chreia, performance, theatricality, rhetoric, transgressive communication.

* При поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания по проекту №01201351914.

В последнее время возрастает интерес к кинической философии и ее риторической практике. Несмотря на то, что киники не создали философских теорий, сам стиль их жизни вполне может рассматриваться как своеобразный опыт философской риторики. Зачастую встречаются наивные оценки кинической философии, отказывающие античным мыслителям в наличии какой-либо сознательно разработанной программы коммуникации, а их воздействие видят исключительно в естественном стиле жизненного поведения. Дидактический эффект, достигаемый киниками, обнаруживают в особой ролевой модели, которая воплощает стиль жизни, требующий не объяснения, а лишь подражания. Однако такая интерпретация вряд ли справедлива. Несмотря на то, что киники не пытались целенаправленно пропагандировать свои философские идеи, их способ взаимодействия с социальной средой был тщательно стилизован и предполагал безошибочную дидактическую позицию, связанную с упреком или предостережением. Театральность и искусственность – сочетание очевидного простодушия с хитрой апелляцией к общественному мнению – были причиной особого раздражения Платона. Киники паразитировали на аудитории, сознательно выбирая публичную сферу. Их трудно вообразить затворниками. Киническая философия создала особую театральную дидактику для выражения собственных идей.

Р. Брэнхэм высказывает мысль о том, что «риторическое измерение является для кинизма более фундаментальным, чем для всех остальных философских школ» (Branham 1996, 82). Можно вспомнить Антисфена: «Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках» (Антология кинизма [АК] 1984, Диоген Лаэртий [ДЛ] 6.11; пер. И. М. Нахова, 56) или Кратета: «Не следует готовить киников таким путем, они должны рождаться, ибо благодаря природе упражнение приведет к цели скорее, чем этот путь» (АК 1984, Письма 21; пер. И. М. Нахова, 259). Утверждение превосходства практики над теорией и поступков над словами, казалось бы, выглядит совершенно противоположным основным целям риторики. Парадоксальная позиция Диогена становится предметом хрии: «Гегесий попросил Диогена дать ему что-нибудь почитать из его сочинений. “Чудак ты, Гегесий, – сказал Диоген. – Когда речь идет о фигах, ты выбираешь не нарисованные, а настоящие”» (АК 1984, ДЛ 6.48, 70). Эта хрия может быть рассмотрена с двух сторон: 1) как хрия устной традиции, противостоящая письменной; 2) как принятие Диогеном квази-сократической позиции, провозглашающей превосходство практики над «письменным словом».

Однако «нам нужно помнить, что в устной культуре “великие слова” не меньше, чем “великие дела” выступали формой действия, и кинизм остается

наиболее устно ориентированным из всей античной философской традиции» (Branham 1996, 82). Этот факт, конечно же, не отменяет устный стиль Сократа или постплатоновской Академии. Однако, если мы обратимся к IV веку, то обнаружим, что легендарные основатели движения неизбежно ассоциировались с высоким уровнем литературной активности и зачастую были связаны с формальным изучением риторики.

Тем не менее, наиболее полная картина риторики киников сохранилась в анекдотической традиции, касающейся Диогена. Анекдоты, содержащие устные высказывания или действия персонажа, относятся к типичному жанру взаимодействия киников с социальным окружением, закреплённые в письменной традиции в форме хрии, представляющей собой литературную стилизацию образа жизни философа, чья самодраматизация является ее неотъемлемой частью. Античная риторическая традиция отлично осознавала тот факт, что хрия, основанная на значимых делах, не менее действенна, чем хрия, основанная на словах. Традиция хрии предполагала, что наиболее оригинальным изобретением Диогена была не доктрина, а он сам: его способ адаптации к враждебным обстоятельствам.

Думается, что Диоген вполне бы согласился с У. Джеймсом по поводу истины как рабочей гипотезы. Его позиция была как прагматической (эффективность аргумента обусловлена специфическим контекстом), так и риторической (выбор используемых средств убеждения зависит от конкретных обстоятельств и ситуаций). Диоген Лаэртий отмечал: «У этого человека была такая способность убеждать, что он легко своими доводами привязывал к себе людей» (АК 1984, ДЛ 6.75, 80). Р. Брэнхэм утверждает, что главная идея Диогена состояла в том, что жизнь философа – это исполнение. «Кто-то сказал ему: “Ты неуч, а еще философствуешь”. На что он ответил: “Даже подделываться под мудрость – уже философия”» (АК 1984, ДЛ 6.64, 76). Главные особенности этого исполнения – прагматизм, импровизация и юмор, которые могут быть осознаны и оценены только в контексте конкретной социальной ситуации.

Целью данной статьи является анализ невербальных средств кинической философской риторики, а ее методологией выступает социолингвистический драматургический подход И. Гофмана. Теория самовыражения классика интеракционистской социологии основана на театральной метафоре. В рамках данного подхода кинического философа вполне можно рассматривать как исполнителя, ставящего задачу сценической постановки своего исполнения. Понятие «исполнения», как проявление активности индивида перед конкретным множеством зрителей, становится основополагающим. В этой связи особое значение приобретает и понятие «представительского

фронта» (или переднего плана), то есть «той части индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в обобщенной и устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение» (Гофман 2000, 54). Речь идет о стандартном наборе выразительных приемов или исполнительском инструментарии. Как отмечает Гофман: «Деятельность индивида станет значимой для других, только если на протяжении всего взаимодействия его действия будут выражать именно то, что он хочет передать и внушить другим» (Гофман 2000, 63).

Киники по-театральному живо стремились представить характер философской идеи. Диоген определенно утверждает идею философа-актера: «Однажды он просил милостыню у статуи. Спрошенный, почему он так поступает, ответил: “Так я привыкаю к отказам”» (АК 1984, ДЛ 6.49, 70). Театральность – не уникальная черта Диогена. Наоборот, она связывает киников с софистами, например, Протагором в платоновском диалоге. Основное действие Диогена – выражение своей протестной позиции относительно культурных конвенциональных норм и ценностей: «Он направился в театр, когда другие уже оттуда выходили. На вопрос, почему он так поступает, ответил: “Я именно так веду себя всю жизнь”» (АК 1984, ДЛ 6.64, 76). Подобный вид комической самодраматизации является типичным для традиции хрии. В этом случае следует отвергнуть версию о спонтанном и «естественном» характере реакции киника на определенную ситуацию. Сцена была тщательно спланирована, а текст заготовлен заранее. Ритуальные компоненты сцены-хрии сознательно сфабрикованы, а также легко воспринимались и использовались всеми ее участниками.

Театральность и сознательное самовыражение может работать во многих стилистических регистрах, но в данной статье мы сосредоточимся на невербальных формах коммуникации и символических действиях, занимающих место слов. Ярким примером такого действия в античной культуре служит хорошо известный символический совет Фрасибула, данный молодому коллеге Периандру Коринфскому, описанный Геродотом. Периандр посылает глашатая к Фрасибулу спросить совета как лучше всего управлять городом. Фрасибул гуляет с глашатаем по полю и обрывает возвышающиеся колосья: «Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан» (Геродот, *История* 2004; пер. Г. А. Стратановского, 301).

Впервые современная теория невербальной коммуникации, основанная на фундаментальных работах социального антрополога Э. Холла, была использована для анализа классических текстов историй Геродота и гомеровского эпоса Дональдом Лэтейнером, который пишет, что «самое широкое

описание невербального поведения включает в себя как преднамеренную невербальную коммуникацию, так и неумышленные действия или звуки, часто сопровождающие нас. Оно охватывает тактемику, проксемику и хронемикку (символическое использование прикосновения, расстояния и времени), стрепистику (невокальные телесные звуки подобные хлопку и шленанию по колену), а также паралингвистику (звуковые и невербальные компоненты, сопутствующие лексемам)» (Lateiner 1995, 15). Лэтейнер полагает, что именно различные виды невербальной коммуникации «позволяют Геродоту манипулировать драматическими эпическими техниками» (Lateiner 1989, 28). Невербальное поведение выявляет психологические состояния героев и подчеркивает драматизм важнейшего исторического момента: «Жесты драматически раскрывают эмоции и мысли в *Истории* там, где речь оказывается неадекватной. Они предлагают технику убеждения положениям, которые не поддаются аргументации» (Lateiner 1989, 27). Лэтейнер отмечает: «Античные эпические поэты рассматривали невербальное поведение как сжатое и особое измерение для характеров и их действий. Они часто его разворачивали; оно вносило значительный вклад в текстуру их мимесиса. Невербальное поведение не было эпизодическим или внешним, а имело существенное значение для драмы и выражения индивидуальной и групповой персональности» (Lateiner 1995, 59).

Относительно поведения киника особую важность приобретает проксемика коммуникативной ситуации, то есть «социальная манипуляция пространством» (Lateiner 1995, 14-15), связанная с разделением его личной и общественной разновидности. К примеру, человек, имеющий более низкий социальный статус, по отношению к вышестоящему непременно должен придерживаться социальной дистанции, а тот, в свою очередь, чтобы показать свое превосходство, имеет право вторгнуться в пределы личной дистанции. Однако, в случае известного анекдота про Диогена и Александра, все происходит прямо противоположным образом. Когда Диоген лежит под солнцем, а македонский царь подходит к нему, философ не только не встает, но просит того отойти подальше, чтобы не загоразживать светило. Проксемическая ситуация постоянно выглядит аномальной, когда Пердикка «под угрозой смертной казни приказал Диогену явиться к нему» (АК 1984, ДЛ 6.44, 68), а доставленный к Филиппу (находясь в непосредственной близости с ним), на вопрос «кто ты такой» киник отвечает: «Я соглядатай твоей ненасытности» (АК 1984, Д.Л. 6.43, 68). В других историях становится понятным, что Диоген игнорирует различие между публичной территорией (рыночной площадью) и личным пространством, в котором человек принимает пищу или удовлетворяет другие биологические потребности. Диоген не

признавал «сакрального пространства» и «не видел ничего ужасного в краже из храма» (АК 1984, ДЛ 6.73, 79). Однако эта провокативная оценка пространства показывает, что Диоген довольно четко осознавал различие между видами пространства, а также считал ошибочными социальные конвенции, связанные с ними. С другой стороны, его позиция космополита, предполагающая, что он «везде дома», дает возможность чувствовать себя аутсайдером везде.

Киники предпочитали трансгрессивную коммуникацию, бросающую вызов общим культурным кодам, утверждая при этом моральное превосходство своего поведения, рассматриваемого как возвращение к состоянию природной простоты. В этом контексте акцент ставится на телесных процессах, а тело используется как троп. Скандальное перформативное использование тела является источником авторитета киника, становится видимым выражением его освобождения от социального контроля, безразличия к доксе или общественному мнению. Происходит отрицание телесных функций, которые, по общепринятому мнению, могут быть связаны только с личным пространством человека. Для кинизма характерна попытка придать общественно неуместным телесным функциям коммуникативное использование.

Мы неоднократно замечаем, что в хрии невербальное действие сопровождается высказыванием философа, являясь значимой частью текста. К примеру, Диоген, «увидев неумелого лучника, сел рядом с мишенью, приговаривая: “Это для того, чтобы он не угодил в меня”» (АК 1984, ДЛ 6.67, 77). Зачастую, действие Диогена берет на себя функцию реплики в философском споре. Например, «в том же духе он стал действовать, когда кто-то утверждал, что движения не существует, – поднялся с места и начал прохаживаться взад и вперед» (АК 1984, ДЛ 6.37, 66–67). В данном случае, тело используется в качестве риторического примера, энтимемы. В ответ на платоновское определение человека в качестве ответной реплики Диоген ощипывает петуха и приносит его со словами: «Вот человек Платона» (АК 1984, ДЛ 6.40, 67). Соматический семиозис становится активным участником создания особого философского жанра, а также значимым риторическим приемом.

Истории о киниках содержат такие действия как принятие пищи, плевание, газовыделение, мочеиспускание, дефекацию и мастурбацию. Излюбленной формой трансгрессивного поведения становится еда в общественном месте («завтрак на площади») или поедание сырой пищи. И, конечно же, в контексте этих историй невозможно интерпретировать такие невербальные действия как результат случайного и бессмысленного зова плоти. Киник ясно осознавал свой выбор: мочиться или не мочиться на пиру после

того, как его называли «Собакой». Несмотря на то, что это действие выглядит «естественно», оно, тем не менее, является хорошо продуманным постановочным приемом аргументации.

Рассмотрим, к примеру, анекдот о метеоризме Кратета, который утешил Метрокла, не сумевшего сдержать ветры из живота во время философских занятий с Феофрастом. Метрокл «в отчаянии заперся дома, твердо решив умереть» (АК 1984, ДЛ 6.94, 88). Его метеоризм был произволен, никакого осмысленного сообщения не содержал и мог привести, по его мнению, к традиционной социально обусловленной негативной реакции. Кратет пытается ликвидировать смущение Метрокла, показав абсурдность интерпретации бессмысленного телесного действия как осмысленного. Когда Кратета попросили о помощи, тот сознательно наелся бобов, вызывающих газовыделение. Диоген Лаэртий продолжает анекдот: «Он разумными доводами стал убеждать его, что тот ничего дурного не сделал (...) В заключении он сам произвел указанное выше действие, чем окончательно привел Митрокла в чувство и утешил. С этого времени Метрокл стал его учеником и превратился в настоящего философа» (АК 1984, ДЛ 6.94, 88).

Газовыделение было сознательным действием Кратета в расчете произвести вполне определенный эффект. Невербальная коммуникация является следствием неэффективных вербальных попыток переубеждения. Нарратив требует более важного и убедительного шага. Кратет предполагает, что одними словами Метрокла не убедить, именно поэтому, еще до встречи с ним, съедает бобы. Кратет намеренно моделирует ситуацию аналогичную изначальной. Невербальное действие подтверждает примером то, что уже было сообщено вербально. Заметим, что в этом случае присутствует явный элемент конкуренции между различными философскими школами: Кратет преуспевает там, где Феофраст бессилён. Кроме того, отсутствуют указания на то, понял ли Метрокл тщательную спланированность промоакции Кратета. Его метеоризм в данном случае является средством демонстрации неуважения к предрассудкам или независимости по отношению к ним. Невербальное действие становится особой формой телесного языка. Можно обнаружить примеры использования невербальной коммуникации как сознательного выбора трансгрессивного стилистического регистра и у Диогена в его актах мочеиспускания или максимально шокирующем поступке: «Однажды какой-то человек привел его в богатый дом и запретил плевать, тогда он сначала отхаркнулся, а потом плюнул ему в лицо, прибавив, что более грязного места не нашел» (АК 1984, ДЛ 6.32, 64). В данном примере трансгрессивное поведение, которое вполне могло начаться как естествен-

ный позыв прочистки горла, мгновенно превращается в действие хрии, сопровождаемое вербальным объяснением.

Ярким примером драматической демонстрации кинических убеждений является поведение Диогена на Истимийских играх в речи «Диоген, или о Доблести» Диона Христосома. Закончив свою моральную проповедь рассказом о чистке авгиевых конюшен Гераклом, Диоген «сел на землю и повел себя непристойно» (АК 1984, ДХ 8.36; пер. М. Е. Грабарь-Пассек, 334), поставив своеобразную «подпись» под речью. Дефекация – странный способ завершения моральной проповеди. Однако здесь мы обнаруживаем квинтэссенцию кинической риторики. То, что может показаться грубой и безвкусной клоунадой, становится безошибочным действием кинической хрии. Последний подвиг Геракла киник интерпретирует как предвосхищение его собственного здорового неуважения к общественному мнению. Геракл «полагал, что он должен не менее упорно бороться и сражаться с предрассудками, чем с дикими зверями и злодеями» (АК 1984, ДХ 8.35; пер. М. Е. Грабарь-Пассек, 334). Геракл выглядит парадигматическим киником. Как отмечает Р. Брэнхэм: «То, что объединяет комическое сравнение скромного киника с античным героем, с одной стороны, и публичным актом дефекации, с другой, есть то, что они оба являются киническими трансгрессиями, которые объявляют прямую забастовку условной предрассудочной природе конвенциональных категорий» (Branham 1996, 102).

Театральность самовыражения киника в роли философа особенно ярко проявляется в невербальных аспектах кинической философской риторики, используемой для защиты собственной идеологии. Эти виды невербального поведения включают: использование «систем первичного сообщения» (Э. Холл): пищу, одежду, физические атрибуты; неформальные сознательные жесты, позы и звуки; социальную манипуляцию пространством. Невербальное действие конституирует особый литературный жанр хрии, в которой утверждаются основные философские идеи киников. Кинические философы предпочитали трансгрессивную коммуникацию, ставящей акцент на телесных процессах, а тело становится видимым выражением освобождения от социального контроля. Телесные функции превращаются в формы символического действия, а невербальные средства в значительной степени усиливают вербальное языковое влияние.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гофман, И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни*. Москва.
 Нахов, И. М., сост. (1984) *Антология кинизма*. Москва.
 Стратановский, Г. А., пер. (2004) *Геродот. История*. Москва.

- Branham, R. B. (1996) "Defacing the Currency: Diogen's Rhetoric and Invention of Cincicism," R. B. Branham and Marie-Odile Goulet-Gaze, eds. *The Cynics. The Cynic Movement in Antiquity and Its Legacy*. University of California Press: Berkley, Los Angeles–London, 81–105.
- Lateiner, D. (1989) *The Historical Method of Herodotus*. Toronto–Buffalo–London.
- Lateiner, D. (1995) *Sardonic Smile: Nonverbal Behavior in Homeric Epic*. Ann Arbor.